

Л. Троцкий

Почему Сталин победил оппозицию?

Вопросы, поставленные в письме тов. Зеллера, представляют не только исторический, но и актуальный интерес. На них приходится нередко наталкиваться и в политической литературе и в частных беседах, притом в самой разнообразной, чаще всего личной формулировке: «как и почему вы потеряли власть?». «Каким образом Сталин захватил в свои руки аппарат?». «В чем сила Сталина?». Вопрос о внутренних законах революции и контрреволюции ставится сплошь да рядом чисто индивидуалистически, как если бы дело шло о шахматной партии, или о каком либо спортивном состязании, а не о глубоких конфликтах и сдвигах социального характера. Многочисленные лжемарксисты ничуть не отличаются в этом отношении от вульгарных демократов, которые применяют к великим народным движениям критерии парламентских кулуаров.

Всякий, сколько-нибудь знакомый с историей, знает, что каждая революция вызывала после себя контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала общество полностью назад, к исходному пункту, в области экономики, но всегда отнимала у народа значительную, иногда львиную долю его политических завоеваний. Жертвой первой же реакционной волны являлся, по общему правилу, тот слой революционеров, который стоял во главе масс в первый, наступательный, «героический» период революции. Уже это общее историческое наблюдение должно навести нас на мысль, что дело идет не просто о ловкости, хитрости, умении двух или нескольких лиц, а о причинах несравненно более глубокого порядка.

Марксисты, в отличие от поверхностных фаталистов (типа Леона Блюма, Поль Фора и др.), отнюдь не отрицают роль личности, ее инициативы и смелости в социальной борьбе. Но, в отличие от идеалистов, марксисты знают, что сознание в последнем счете подчинено бытию. Роль руководства в революции огромна. Без правильного руководства пролетариат победить не может. Но и самое лучшее руководство не способно вызвать революцию, когда для нее нет объективных условий. К числу важнейших достоинств пролетарского руководства надо отнести способность различать, когда можно наступать, и когда необходимо отступить. Эта способность составляла главную силу Ленина. (У сталинцев дело обстоит как раз наоборот: во время экономического оживления и относительного политического равновесия они провозглашали «завоевание улицы», «баррикады», «советы повсюду» («третий период»), теперь же, когда Франция проходит через глубочайший социальный и политический кризис, они бросаются на шею радикалам, т. — е. насквозь гнилой буржуазной партии. Давно сказано, что эти господа имеют привычку на свадьбе петь похоронные псалмы, а на похоронах — гимны Гименею)

Успех, или неуспех борьбы левой оппозиции против бюрократии, разумеется, зависел в той или другой степени от качеств руководства обоих борющихся лагерей. Но прежде, чем говорить об этих качествах, надо ясно понять характер самих борющихся лагерей; ибо самый лучший руководитель одного лагеря может оказаться совершенно негодным в другом из лагерей, — и наоборот. Столь обычный (и столь наивный) вопрос: «почему Троцкий не использовал своевременно военный аппарат против Сталина?» ярче всего свидетельствует о нежелании или неумении продумать общие исторические причины победы советской бюрократии над революционным авангардом пролетариата. Об этих причинах я писал не раз в ряде своих работ, начиная с автобиографии. Попробую резюмировать важнейшие выводы в немногих строках.

Не нынешняя бюрократия обеспечила победу Октябрьской революции, а рабочие и крестьянские массы под большевистским руководством. Бюрократия стала расти лишь после окончательной победы, пополняя свои ряды не только революционными рабочими, но и представителями других классов (бывшими царскими чиновниками, офицерами, буржуазными интеллигентами и проч.). Если взять старшее поколение нынешней бюрократии, то подавляющее большинство его стояло во время Октябрьской революции в лагере буржуазии (взять для примера хотя бы советских послов: Потемкин, Майский, Трояновский, Суриц, Хинчук и проч.). Те из нынешних бюрократов, которые в Октябрьские дни находились в лагере большевиков, не играли в большинстве своем сколько-нибудь значительной роли, ни в подготовке и проведении переворота, ни в первые годы после него. Это относится прежде всего к самому Сталину. Что касается молодых бюрократов, то они подобраны и воспитаны старшими, чаще всего из собственных сынков. «Вождем» этого нового, переволюционного слоя и стал Сталин.

История профессионального движения во всех странах есть не только история стачек и вообще массовых движений, но и история формирования профсоюзной бюрократии. Достаточно известно, в какую огромную консервативную силу успела вырасти эта бюрократия и с каким безошибочным чутьем она подбирает для себя и соответственно воспитывает своих «гениальных» вождей: Гомперс, Грин, Легин, Лейпарт, Жуо, Ситрин и др. Если Жуо пока что с успехом отстаивает свои позиции против атак слева, то не потому, что он великий стратег (хотя он, несомненно, выше своих бюрократических коллег: недаром же он занимает первое место в их среде),

а потому, что весь его аппарат каждый день и каждый час упорно борется за свое существование, коллективно подбирает наилучшие методы борьбы, думает за Жуо и внушает ему необходимые решения. Но это вовсе не значит, что Жуо несокрушим. При резком изменении обстановки — в сторону революции или фашизма — весь профсоюзный аппарат сразу потеряет свою самоуверенность, его хитрые маневры окажутся бессильными, и сам Жуо будет производить не внушительное, а жалкое впечатление. Вспомним, хотя бы, какими презренными ничтожествами оказались могущественные и спесивые вожди германских профессиональных союзов — и в 1918 году, когда, против их воли, разразилась революция, и в 1932 году, когда наступал Гитлер.

Из этих примеров видны источники силы и слабости бюрократии. Она вырастает из движения масс в первый, героический период борьбы. Но поднявшись над массами и разрешив затем свой собственный «социальный вопрос» (обеспеченное существование, влияние, почет и пр.), бюрократия все более стремится удерживать массы в неподвижности. К чему рисковать? Ведь у нее есть что терять. Наивысший расцвет влияния и благополучия реформистской бюрократии приходится на эпохи капиталистического преуспеяния и относительной пассивности трудящихся масс. Но когда эта пассивность нарушена, справа или слева, великолепию бюрократии приходит конец. Ее ум и хитрость превращаются в глупость и бессилие. Природа «вождей» отвечает природе того класса (или слоя), который они ведут, и объективной обстановке, через которую этот класс (или слой) проходит.

Советская бюрократия неизмеримо могущественнее реформистской бюрократии всех капиталистических стран вместе взятых, ибо у нее в руках государственная власть и все связанные с этим выгоды и привилегии. Правда, советская бюрократия выросла на почве победоносной пролетарской революции. Но было бы величайшей наивностью идеализировать, по этой причине, самое бюрократию. В бедной стране, — а СССР и сейчас еще очень бедная страна, где отдельная комната, достаточная пища и одежда все еще доступны лишь небольшому меньшинству населения, — в такой стране миллионы бюрократов, больших и малых, стремятся прежде всего разрешить свой собственный «социальный вопрос», т. — е. обеспечить собственное благополучие. Отсюда величайший эгоизм и консерватизм бюрократии, ее страх перед недовольством масс, ее ненависть к критике, ее бешеная настойчивость в удушении всякой свободной мысли, наконец, ее лицемерно-религиозное преклонение перед «вождем», который воплощает и охраняет ее неограниченное владычество и ее привилегии. Все это вместе и составляет содержание борьбы против «троцкизма».

Совершенно неоспорим и полон значения тот факт, что советская бюрократия становилась тем могущественнее, чем более тяжкие удары падали на мировой рабочий класс. Поражения революционных движений в Европе и в Азии постепенно подорвали веру советских рабочих в международного союзника. Внутри страны царил все время острая нужда. Наиболее смелые и самоотверженные представители рабочего класса либо успели погибнуть в гражданской войне, либо поднялись несколькими ступенями выше и, в большинстве своем, ассимилировались в рядах бюрократии, утратив революционный дух. Уставшая от страшного напряжения революционных годов, утратившая перспективу, отравленная горечью ряда разочарований широкая масса впала в пассивность. Такого рода реакция наблюдалась, как уже сказано, после всякой революции.

Неизмеримое историческое преимущество Октябрьской революции, как пролетарской, состоит в том, что усталостью и разочарованием масс воспользовался не классовый враг, в лице буржуазии и дворянства, а верхний слой самого рабочего класса и связанные с ним промежуточные группы, влившиеся в советскую бюрократию.

Подлинные пролетарские революционеры в СССР силу свою почерпали не столько в аппарате, сколько в активности революционных масс. В частности, Красную армию создавали не «аппаратчики» (в самые критические годы аппарат был еще очень слаб), а кадры героических рабочих, которые, под руководством большевиков, сплачивали вокруг себя молодых крестьян и вели их в бой. Упадок революционного движения, усталость, поражения в Европе и Азии, разочарование в рабочих массах должны были неизбежно и непосредственно ослабить позиции революционных интернационалистов, и наоборот, усилить позиции национально-консервативной бюрократии. Открывается новая глава в революции. Вожди предшествующего периода попадают в оппозицию. Наоборот, консервативные политики аппарата, игравшие в революции второстепенную роль, выдвигаются торжествующей бюрократией на передний план.

Что касается военного аппарата, то он был частью всего бюрократического аппарата и по своим качествам не отличался от него. Достаточно сказать, что в годы гражданской войны Красная армия поглотила десятки тысяч бывших царских офицеров. 13 марта 1919 г. Ленин говорил на митинге в Петрограде: «Когда мне недавно тов. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага: как заставить строить коммунизм тех, кто являлся его противниками, строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не дано!» (Сочинения Ленина, т. XXIV, русское издание 1932 года, стенографический отчет, стр. 65). Эти офицерские и чиновничьи кадры выполняли в первые годы свою работу под непосредственным давлением и надзором передовых рабочих. В огне жестокой борьбы не могло быть и речи о привилегированном положении офицерства: самое это слово исчезло из словаря. Но после одержанных побед и перехода на мирное положение как раз военный аппарат стремился стать наиболее влиятельной и привилегированной частью всего бюрократического аппарата. Опереться на офицерство для захвата власти мог бы только тот, кто готов был идти навстречу кастовым вождениям офицерства, т. — е. обеспечить ему высокое положение, ввести чины, ордена, словом, сразу и одним ударом сделать то, что сталинская бюрократия постепенно делала в течение последующих 10–12 лет. Нет никакого сомнения, что произвести военный переворот против фракции Зиновьева, Каменева, Сталина и проч., не составляло бы в те дни никакого труда и даже не стоило бы пролития крови; но результатом такого переворота явился бы ускоренный темп той самой бюрократизации и бонапартизма, против которых левая оппозиция выступила на борьбу.

Задача большевиков-ленинцев по самому существу своему состояла не в том, чтоб опереться на военную бюрократию против партийной, а в том, чтобы опереться на пролетарский авангард и через него — на народные массы и обуздать бюрократию в целом, очистить ее от чуждых элементов, обеспечить над нею бдительный контроль трудящихся и перевести ее политику на рельсы революционного интернационализма. Но так как за годы гражданской войны,

голода и эпидемий, живой источник революционной массовой силы иссяк, а бюрократия страшно выросла в числе и в наглости, то пролетарские революционеры оказались слабейшей стороной. Под знаменем большевиков-ленинцев собрались, правда, десятки тысяч лучших революционных борцов, в том числе и военных. Передовые рабочие относились к оппозиции с симпатией. Но симпатия эта оставалась пассивной; веры в то, что при помощи борьбы можно серьезно изменить положение, у масс уже не было. Между тем бюрократия твердила: «Оппозиция хочет международной революции и собирается втянуть нас в революционную войну. Довольно нам потрясений и бедствий. Мы заслужили право отдохнуть. Да и не надо нам больше никаких „перманентных революций“. Мы сами у себя создадим социалистическое общество. Рабочие и крестьяне, положитесь на нас, ваших вождей!». Эта национально-консервативная агитация, сопровождавшаяся, к слову сказать, бешеной, подчас совершенно реакционной клеветой против интернационалистов, тесно спланировала бюрократию, и военную и штатскую, и находила несомненный отклик у усталых и отсталых рабочих и крестьянских масс. Так большевистский авангард оказался изолированным и по частям разбит. В этом весь секрет победы термидорианской бюрократии.

Разговоры о каких-то необыкновенных тактических или организационных качествах Сталина представляют собою миф, сознательно созданный бюрократией СССР и Коминтерна и подхваченный левыми буржуазными интеллигентами, которые, несмотря на свой индивидуализм, охотно склоняются перед успехом. Эти господа не узнали и не признали Ленина, когда тот, травимый международной сволочью, готовил революцию. Зато они «признали» Сталина, когда такое признание не приносит ничего, кроме удовольствия, а подчас и прямую выгоду.

Инициатива борьбы против левой оппозиции принадлежала собственно не Сталину, а Зиновьеву. Сталин сперва колебался и выжидал. Было бы ошибкой думать, что Сталин с самого начала наметил какой-либо стратегический план. Он нащупывал почву. Несомненно, что революционная марксистская опека тяготила его. Он фактически искал более простой, более национальной, более «надежной» политики. Успех, который на него обрушился, был неожиданностью прежде всего для него самого. Это был успех нового правящего слоя, революционной аристократии, которая стремилась освободиться от контроля масс и которой нужен был крепкий и надежный третейский судья в ее внутренних делах. Сталин, второстепенная фигура пролетарской революции, обнаружил себя как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде — не более того. (Говорить о Сталине, как о марксистском «теоретике», могут лишь прямые лакеи. Его книга «Вопросы ленинизма» представляет эклектическую компиляцию, полную ученических ошибок. Но национальная бюрократия побеждала марксистскую оппозицию своим социальным весом, а вовсе не «теорией»)

Итальянский фашистский или полуфашистский писатель Малапарте выпустил книжку «Техника государственного переворота», в которой он развивает ту мысль, что «революционная тактика Троцкого», в противоположность стратегии Ленина, может обеспечить победу в любой стране и при любых условиях. Трудно придумать более нелепую теорию! Между тем те мудрецы, которые задним числом обвиняют нас в том, что мы, вследствие нерешительности, упустили власть, становятся по существу дела на точку зрения Малапарте: они думают, что есть какие то особые технические «секреты», при помощи которых можно завоевать или удержать революционную власть, независимо от действия величайших объективных

факторов: побед или поражений революции на Западе и Востоке, подъема или упадка массового движения в стране и пр. Власть не есть приз, который достается более «ловкому». Власть есть отношение между людьми, в последнем счете — между классами. Правильное руководство, как уже сказано, является важным рычагом успехов. Но это вовсе не значит, что руководство может обеспечить победу при всяких условиях. Решают в конце концов борьба классов и те внутренние сдвиги, которые происходят внутри борющихся масс.

Но вопрос о том, как сложился бы ход борьбы, если б Ленин остался жив, нельзя, конечно, ответить с математической точностью. Что Ленин был непримиримым противником жадной консервативной бюрократии и политики Сталина, все более связывавшего с нею свою судьбу, видно с неоспоримостью из целого ряда писем, статей и предложений Ленина за последний период его жизни, в частности, из его «Завещания», в котором он рекомендовал снять Сталина с поста генерального секретаря, наконец, из его последнего письма, в котором он прерывал со Сталиным «все личные и товарищеские отношения». В период между двумя приступами болезни Ленин предложил мне создать с ним вместе фракцию для борьбы против бюрократии и ее главного штаба, Оргбюро ЦК, где руководил Сталин. К XII-му съезду партии Ленин, по его собственному выражению, готовил «бомбу» против Сталина. Обо всем этом рассказано — на основании точных и бесспорных документов — в моей автобиографии и в отдельной работе «Завещание Ленина». Подготовительные меры Ленина показывают, что он считал предстоящую борьбу очень трудной; не потому, конечно, что он боялся Сталина лично, как противника (об этом смешно и говорить), а потому, что за спиной Сталина ясно различал сплетение кровных интересов могущественного слоя правящей бюрократии. Уже при жизни Ленина Сталин вел против него подкоп, осторожно распространяя через своих агентов слух, что Ленин — умственный инвалид, не разбирается в положении, и проч., словом, пускал в оборот ту самую легенду, которая стала ныне неофициальной версией Коминтерна для объяснения резкой враждебности между Лениным и Сталиным за последние год-полтора жизни Ленина. На самом деле, все те статьи и письма, которые Ленин продиктовал уже в качестве больного, представляют, пожалуй, самые зрелые продукты его мысли. Проницательности этого «инвалида» хватило бы с избытком на дюжину Сталиных.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы Ленин прожил дольше, напор бюрократического всемогущества совершался бы, — по крайней мере в первые годы, — более медленно. Но уже в 1926 году Крупская говорила в кругу левых оппозиционеров: «Если бы Ильич был жив, он наверное уже сидел бы в тюрьме». Опасения и тревожные предвидения Ленина были тогда еще свежи в ее памяти, и она вовсе не делала себе иллюзий насчет личного всемогущества Ленина, понимая, с его собственных слов, зависимость самого лучшего рулевого от попутных или встречных ветров и течений.

Значит, победа Сталина была неотвратима? Значит, борьба левой оппозиции (большевиков-ленинцев) была безнадежна? Такая постановка вопроса абстрактна, схематична, фаталистична. Ход борьбы показал несомненно, что одержать полную победу в СССР, т. — е. завоевать власть и выжечь язву бюрократизма, большевики-ленинцы не смогли и не смогут без поддержки мировой революции. Но это вовсе не значит, что их борьба прошла бесследно. Без смелой критики оппозиции и без страха бюрократии перед оппозицией курс Сталина-Бухарина на кулака неизбежно привел бы к возрождению капитализма. Под кнутом оппозиции

бюрократия оказывалась вынужденной делать важные заимствования из нашей платформы. Спасти советский режим от процессов перерождения и от безобразий личного режима ленинцы не смогли. Но они спасли его от полного крушения, преградив дорогу капиталистической реставрации. Прогрессивные реформы бюрократии явились побочным продуктом революционной борьбы оппозиции. Это для нас слишком недостаточно. Но это — кое-что.

На арене мирового рабочего движения, от которого советская бюрократия зависит лишь косвенно, дело обстоит еще неизмеримо более неблагоприятно, чем в СССР. Через посредство Коминтерна сталинизм стал худшим тормозом мировой революции. Без Сталина не было бы Гитлера. Сейчас во Франции сталинизм через политику протрации, которая называется политикой «народного фронта», подготавливает новое поражение пролетариата. Но и здесь борьба левой оппозиции отнюдь не осталась бесплодной. Во всем мире растут и множатся кадры подлинных пролетарских революционеров, настоящих большевиков, которые примкнули не к советской бюрократии, чтоб пользоваться ее авторитетом и ее кассой, а к программе Ленина и к знамени Октябрьской революции. Под поистине чудовищными, небывалыми еще в истории преследованиями соединенных сил империализма, реформизма и сталинизма, большевики-ленинцы растут, крепнут и все более завоевывают доверие передовых рабочих. Безошибочным симптомом происшедшего перелома является, например, великолепная эволюция парижской социалистической молодежи. Мировая революция пойдет под знаменем Четвертого Интернационала. Первые же ее успехи не оставят камня на камне от всемогущества сталинской клики, ее легенд, ее клевет и ее дутых репутаций. Советская республика, как и мировой пролетарский авангард окончательно освободятся от бюрократического спрута. Историческое крушение сталинизма предопределено, и оно явится заслуженной карой за его бесчисленные преступления перед мировым рабочим классом. Другой мести мы не хотим и не ждем!

Л. Троцкий.

12-го ноября 1935 г.